

Я.О. Дзыга

disava@yandex.ru

канд. филол. наук, доцент

Государственного института русского языка

им. А.С. Пушкина

Москва, Россия

Традиции русской классической литературы в эмигрантском творчестве И.С. Шмелева

Иван Шмелев, традиции, литература, классика, эмигрант.

Статья посвящена малоизученному в современном литературоведении вопросу отражения традиций русской классической литературы в эмигрантском творчестве И.С. Шмелева. В поле зрения автора работы попадают имена А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Вл. Соловьева. Исследование проблемы показывает, что даже в обращении к традициям русской классики Шмелев оставался верным себе и новым этико-эстетическим канонам литературы XX в.

Творчество писателей Русского зарубежья как часть национальной культуры по праву занимает достойное место в истории русской словесности. Писатели-эмигранты в своих произведениях выступали продолжателями духовных и художественных традиций русской классики.

На сегодняшний день художественное наследие Русского зарубежья изучается в школьном и вузовском курсах литературы. Это особенно важно для иностранных студентов, получающих образование в России. Благодаря знакомству с ранее изъятым из процесса обучения пластом культуры они имеют уникальную возможность увидеть полноценную, правдивую и научно обоснованную картину русской литературы XX в.

Литературный процесс конца XIX — начала XX вв., ознаменованный расцветом модернизма, характеризуется ярко выраженным стремлением к размежеванию с классической традицией вплоть до полного ее отрицания. Творческие искания представителей Серебряного века продолжились за ру-

бежом, где, в частности, оказались «вожди» символизма: З. Гиппиус, Д. Мережковский, Вяч. Иванов. Однако изгнание не только сблизило литературных оппонентов (пример тому — дружба Шмелева с Бальмонтом), но и заставило писателей по-новому взглянуть на проблему соблюдения традиций. Вынужденные изгнанники видели свою миссию в сохранении духовных ценностей потерянной Родины, и литература здесь была едва ли не на первом месте. В эмиграции актуализировалось наследие золотого века, восстанавливались духовные традиции русской классики. Ярким свидетельством этой тенденции является творчество И.С. Шмелева.

Автор «Лета Господня» всегда бережно относился к литературной традиции. Отзвуки творчества великих предшественников обнаруживались уже в дореволюционных произведениях писателя, однако тяготение к классике значительно усилилось в изгнании. Качественный сдвиг в этом процессе обозначился в первом эмигрантском произведении Шмелева — эпосе «Солнце

мертвых». Здесь исследователи не без оснований усматривают пушкинский, гоголевский, толстовский, Достоевский, Некрасовский, Тютчевский, Щедринский, Лесковский и чеховский контексты [4: 62–65]. В дальнейшем процесс творческого освоения литературного опыта предшественников стал одной из отличительных черт поэтики писателя-эмигранта.

Тесное взаимодействие с классической традицией обнаруживается у Шмелева на всех уровнях художественного текста. Одной из плодотворных форм взаимодействия с классикой является использование «чужого слова» в эмигрантском творчестве писателя. Рассматривая цитату в широком смысле слова как «любого вида переключку, соединяющую между собой литературные памятники» [5: 74], можно говорить о новых принципах организации художественного пространства посредством максимальной актуализации творческих взаимосвязей. Разные по форме и характеру цитаты, широко представленные в произведениях эмигрантского периода, используются писателем для решения различных художественных задач. В частности, с их помощью Шмелев оттеняет характеры собственных героев, создавая атмосферу их причастности к ценностям мировой культуры, взаимодействие между которыми подчинено целостному авторскому замыслу.

При этом совершенно очевидно, что Шмелев предпочитает заимствовать стихотворные нетрансформированные цитаты, однако в его произведениях есть и цитации другого рода. Так, писатель часто обращается к ономастическим цитатам, способствующим приращению содержания авторского текста за счет актуализации фоновых знаний читателей, закрепленных за литературными именами. Иногда функции ономастических цитат усложняются, полемически переключаясь с содержанием исходного текста. По такому принципу организовано повествование в рассказе «Чертов балаган», контрастно ориентированном на «Божественную комедию» Данте.

Чрезвычайно значимы в эмигрантском творчестве писателя цитирования сюжетов,

образов, мотивов, описаний. С этой точки зрения особенный интерес представляет рассказ «Почему так случилось». В произведении отразились традиции Ф.М. Достоевского, и, по выражению автора, оно было написано «...в некую параллель с кошмаром Ивана Карамазова» [3: 332] (героя романа Достоевского «Братья Карамазовы»). В то же время интонационно и содержательно рассказ связан сразу с двумя стихотворениями А.С. Пушкина: «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» и «Воспоминание». При этом роль «чужого слова» в рассматриваемом рассказе по сравнению с предыдущими произведениями писателя значительно усложняется. Цитата здесь не просто включается в повествование, но становится движущей силой сюжета, структурно и идейно основанного на тексте-первоисточнике.

Примечательно, что это не единственный случай в творчестве Шмелева, когда полемическая ориентация на традицию становится основой повествования оригинального произведения. Показательным в этом смысле является роман «История любовная». Органично вписавшийся в литературный контекст эпохи («...явная реминисцентность текста «Истории любовной» отражает полемiku Шмелева с Буниным» [6: 142] и «...вызывает ассоциации <...> с сюжетом «Мисс Май» (1895) З.Н. Гиппиус» [6: 144]), он обнаруживает глубокое созвучие с классической, в данном случае тургеневской, традицией. Совершенно очевидно, что в сюжете, системе образов и тональности шмелевского произведения нашла отклик повесть И.С. Тургенева «Первая любовь».

Прибегая к приему сознательного цитирования, художник явно рассчитывает на эффект узнавания «произведения-прародителя», способствующий приращению смысла его собственного сочинения. Герой произведения Шмелева Тоник не однажды вспоминает «Первую любовь» Тургенева, называя по имени как своего литературного предшественника, так и предмет его обожания. Влияние Тургенева на роман Шмелева не исчерпывалось переключками с «Первой любовью». История Лизы Калитиной (героини романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо») повторяется в

судьбе горничной Паши, дополнительный свет на которую проливает образ тургеневской Аси из одноименной повести.

Неожиданными, на первый взгляд, кажутся отголоски софийных идей, явственно обнаруживающиеся в той же «Истории любовной». Как известно, в учении о Святой Софии как Божественной первооснове мира известный философ Вл. Соловьев допускал возможность не только личных контактов с ней, но и отношений возвышенно-эротического характера. Такого рода религиозная любовь никогда не отрицалась и Шмелевым. Однако этот факт — еще одно свидетельство автобиографичности героя произведения. Свойственная эпохе «модернизирующая религиозность» сказалась во внимании Шмелева к идеям Соловьева. Явные отзвуки соловьевского учения отчетливо прослеживаются также в «Неупиваемой Чаше» и «Путь небесных». Более того, практически по описанному в философии Соловьева сценарию строились реальные отношения писателя с его возлюбленной О.А. Бердиус-Субботиной.

Тем не менее, слово Тургенева оказывается более созвучным Шмелеву. Особенно это отразилось в образах главных героев «Путь небесных». После пережитого потрясения Вейденгаммер, находящийся на грани самоубийства, мыслит вполне в духе Базарова (героя романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»), а его горькие размышления о перспективах после приема «кристаллика» звучат в унисон со словами знаменитого нигилиста: «Ничего не откроется, а... «лопух вырастет», верно сказал тургеневский Базаров!..» [7: 26]. В то же время в истории с Даринькой Вейденгаммер во многом напоминает героя романа «Дворянское гнездо» Лаврецкого. Сама же девушка в воображении Виктора Алексеевича тоже предстает героиней Тургенева: «Он перечитал — что-то его толкнуло — «Дворянское гнездо» и вот, Лиза Калитина чем-то напомнила ему Дариньку, — в мыслях так называл ее» [7: 41].

Дарья Королева и Виктор Алексеевич Вейденгаммер в Ютово оказываются буквально погружены в тургеневскую стихию. При этом художественные и взятые из жиз-

Тоник. Кадр из фильма «Моя любовь» (2006), снятого по мотивам романа И.С. Шмелева «История любовная». Режиссер А. Петров

ни образы составляют сложный, многоуровневый контекст шмелевского романа, претворяя его в уникальную «синтетическую цитату русской литературы». Так, о няне и домоправительнице ютовского поместья Аграфене Матвеевне известно, что когда-то она была дворовой Варвары Петровны Тургеневой, матери писателя, а потом «к Ютовой барыне прижилась» [7: 286]. Женщина оказывается напрямую связанной с Лукерьей, героиней рассказа «Живые мощи», которую больше других любил и ценил Шмелев. Старший Ютов также вписан в сонм тургеневских героев. Двадцатилетний

О.А. Бердиус-Субботина. Shalkwijk (Голландия). 6 октября 1941 г.

парень в широкополой шляпе, «с бородой а-ля мужик» и манерами «оперного бандита» развеселил Виктора Алексеевича. «Под Базарова запускаете, или под Марка Волохова? — поинтересовался он у смущенного «циника». — <...> дешевенький нигилизм, оказывается, еще в моде... провинция-матушка» [7: 283–285].

Своеобразным залогом художественной достоверности указанных фактов является упоминание о том, что тургеневское «Спаское» находится в семи верстах от Ютово. «Соседи, — с удовлетворением думал об этом Виктор Алексеевич, — может быть, и знаменитого писателя увидят, познакомятся» [7: 277].

Однако гораздо более значимым для Шмелева оказалось влияние Ф.М. Достоевского. Автор «Братьев Карамазовых» был главным предшественником Шмелева в попытках жанрового синтеза. Писатель-эмигрант называл свою итоговую книгу «Пути небесные» «опытом духовного романа», подчеркивая тем самым тенденцию к сращению романа с жанрами духовной литературы. При этом Шмелев ориентировался на опыт Достоевского, давшего, по его мнению, в «Братьях Карамазовых» пример «религиозно обоснованного романа».

Как и у Достоевского, влияние духовной литературы с годами становилось у Шмелева все более сильным. Выход к житию и житийному герою у обоих писателей был подготовлен творческой и личной судьбой. Кроме «Путей небесных», с житийной традицией связаны другие произведения Шмелева: повести «Неупиваемая чаша», «Лето Господне», «Богомолье», «Старый Валаам», циклы «Заметы», «Записки неписателя» и др.

Житийная традиция прежде всего сказалась в образах героев произведений Достоевского и Шмелева. Князя Мышкина и Алешу Карамазова (из романов Достоевского «Идиот» и «Братья Карамазовы») традиционно рассматривают как своего рода святых в русской литературе [2: 325–354]. По житийному канону выстроено повествование об Илье Шаронове («Неупиваемая чаша»), Дарье Королевой, Викторе Алексе-

евиче Вейденгаммере («Пути небесные»). Близки к литературному типу юродивого шмелевские образы Симеонушки-странника («Богомолье»), слабоумной девочки Насеньки («Пути небесные»). Круг же юродивых Достоевского весьма широк. Кроме Лизаветы Ивановны («Преступление и наказание»), Марьи Тимофеевны Лебядкиной («Бесы»), Лизаветы Смердящей («Братья Карамазовы»), исследователи относят сюда князя Мышкина («Идиот»), Мармеладова и Соню Мармеладову («Преступление и наказание»), Маврикия Николаевича, Дарью Шатову и архиеерея Тихона («Бесы»), Алешу Карамазова и старца Зосиму («Братья Карамазовы») [1: 7].

Для произведений Достоевского и Шмелева характерны свойственные житиям мотивы благостности страдания, искушения героя миром и борьбы со страстями, обращения грешника, духовного ясновидения.

Всевозможные свидетельства проникновения в мир земной (реальный) мира духовного (реальнейшего) являются у Шмелева следствием абстрагирующих тенденций агиографической литературы, которые предполагают изображение вневременных этических категорий и норм. Как и в агиографии, писатель рассматривает жизнь Дариньки из «Путей небесных» вне времени и пространства как вечный и неизменный эталон. Вместе с тем реальное, земное привлекает внимание писателя и само по себе. В отличие от Достоевского, унаследовавшего от житийной литературы безытнность, автор «Путей небесных» укоренен в быту, любовно описывает его во многих своих произведениях.

Несмотря на то что у Шмелева было достаточно много разногласий с Л.Н. Толстым, в произведениях писателя-эмигранта усматривается и значительный толстовский пласт. Установка автора «Богомолья» на «воцерковление» литературы противоречиво соединилась с его приверженностью традициям светской беллетристики. Это обстоятельство нашло выражение в перекличках с романами Толстого, и через него сблизило Шмелева с Буниным. Так, линия «Анна — Вронский» (роман Толстого «Анна Каренина») в

«Путях небесных» зеркально отражается в истории отношений Дариньки с Вагаевым. Совпадают даже такие детали, как уход героя на войну и гибель героини под колесами поезда (так Шмелев предполагал завершить оставшийся незаконченным роман). Вейденгаммер, который вначале выступает у Шмелева в роли соблазнителя (подобно Нехлюдову из романа Толстого «Воскресенье»), в сцене скачек (прямая «цитата» из Толстого) неожиданно оказывается на месте Каренина. Шмелев как будто намеренно подчеркивает общность ситуаций, замечая: «В те дни Виктор Алексеевич интересовался Толстым... и с увлечением читал «Анну Каренину», печатавшуюся в «Русском вестнике» [7: 116].

Тем не менее, моментов согласия с Толстым у Шмелева гораздо меньше, чем противоборства его идеям. Различия этико-эстетических позиций писателей обусловлены прежде всего характером религиозно-философских взглядов Толстого и Шмелева: гуманистическая настроенность первого в корне противоречила христианским убеждениям второго.

Моменты художественного порядка сближают Шмелева с еще одним критиком православия. «Русскость», «провинциальность», мастерство сказа, необыкновенное владение разными оттенками русской народной речи — далеко не полный перечень того, что роднит автора «Лета Господня» с Н.С. Лесковым. Подобно классику, Шмелева называют творцом «бытового реализма». Ориентация на народную притчу, легенду, сказание также сближают писателей. К примеру, как жанровый прообраз «Куликова поля» Шмелева может рассматриваться «Некрещеный поп» Лескова. Много общего обнаруживают «Пути небесные» и антинигилистические романы классика.

Эмиграция обусловила повышенный интерес изгнанников к истокам русской культуры. Художественным воплощением национального самосознания стало для писателей-эмигрантов творчество А.С. Пушкина. Глубокая связь творчества Шмелева с наследием писателя, гений которого он особенно выделял, прослеживается на всех уровнях художественного текста. При этом

Памятник И.С. Шмелеву в Москве. Скульптор Л. Лузановская

очень важно, что их творческий диалог не ограничивается сферой эстетико-формальной преемственности, но вырастает в широко понимаемую традицию (в отличие, к примеру, от переключек с творчеством Тургенева).

Концептуально значимое в творчестве Шмелева обращение к пушкинским сюжетам, образам, мотивам, описаниям было связано с сознательной установкой на взаимодействие с классикой. Чаще других писатель обращался к образам Татьяны Лариной, Онегина, Ленского, иногда прямо называя импонирующие автору или его герою произведения («Евгений Онегин», «Анчар», «Пророк», «Воспоминание», «Анакреон», «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...») или приводя выдержки из них. Выразителен факт, что эпиграфом к одному из самых душевных произведений Шмелева, роману «Лето Господне», также являются пушкинские строки.

Бывает, что произведение писателя-эмигранта ориентируется сразу на несколько классических образцов. К примеру, рассказ Шмелева «Глас в ночи» интонационно и содержательно связан с пушкинскими повестями «Метель», «Капитанская дочка» и стихотворением «Бесы».

Художественный опыт Русского зарубежья не ограничился продолжением традиций Серебряного века. В литературе эми-

рации первой волны нашли свое отражение идеи и образы русской классической литературы. Творчество Шмелева, преемственно связанное с художественными устремлениями предшественников, в то же время яв-

лялось глубоко самобытным. Автор «Богомолья» по-своему осмыслял и преломлял узнаваемую традицию, что было связано и с влиянием времени, и с особенностями этико-эстетической позиции писателя.

Литература

1. Алексеев А.А. Юродское в героях Достоевского // Достоевский и современность: Материалы IX Международных «Старорусских чтений», 1994 г. Новгород, 1995.
2. Ветловская В.Е. Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых» (Житие Алексея человека божия и духовный стих о нем) // Достоевский и русские писатели: Традиции, новаторство, мастерство. М., 1971.
3. Ильин И.А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935–1946). М., 2000.
4. Новикова Н.В. «Солнце мертвых» И. Шмелева и традиции русской литературы (образно-тематический аспект) // Материалы VI Крымских Международных шмелевских чтений «Русская литература XX века в контексте мировой культуры». Алушта, 1997.
5. Смирнов И.П. Цитирование как историко-литературная проблема: принципы усвоения древнерусского текста поэтическими школами XIX – начала XX вв. (на материале «Слова о полку Игореве») // Блоковский сборник. IV. Тарту, 1980.
6. Солнцева Н.М. И.С. Шмелев: Аспекты творчества. М., 2006.
7. Шмелев И.С. Собрание сочинений: В 5 т. М., 2001. Т. 5.

Y.O. Dzuga

TRADITIONS OF RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE IN EXPATRIATE WORKS OF IVAN SHMELEV

Ivan Shmelev, traditions, literature, classical, expatriate.

The article covers the problem of Russian classical literature traditions reflection in expatriate works of Ivan Shmelev which is little-studied in modern philology. The author of this abstract refers to the names of such famous Russian writers as A.S. Pushkin, I.S. Turgenev, N.S. Leskov, F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy, V.I. Solovyov. The research of this problem shows that Shmelev remained true to himself and new ethic and aesthetic canons of 20th century literature.

НОВОСТИ

НОВОСТИ

НОВОСТИ

НОВОСТИ

НОВОСТИ

5 февраля 2009 г. пресс-служба представительства Россотрудничества в Республике Узбекистан объявила о начале **IX Международного Пушкинского конкурса** для учителей школ ближнего зарубежья, Болгарии, Германии и Израиля. Организаторами конкурса выступили правительство Москвы и «Российская газета» при поддержке Министерства иностранных дел России. В этот раз участникам предлагается написать эссе на тему «Русский язык: учить нельзя забыть. Где ставят запятую ваше государство и ваши ученики?»

По материалам ИА «Фергана.Ру» (fergana.ru)

В Латинской Америке появится **телеканал на русском языке**. Предполагается, что до начала лета 2009 г. трансляция канала Inter Russia TV (ITR TV) начнется на территории Панамы. Позднее зона вещания будет расширена. Канал будет выходить в эфир каждый день и транслировать свои передачи в течение 10 ч. Некоторые из программ будут сопровождаться субтитрами на испанском языке. По словам руководства Inter Russia TV, создание телеканала стало реакцией на увеличение числа русских эмигрантов. Сейчас в Латинской Америке проживает около полумиллиона носителей русского языка.

По материалам сайта Лента.Ру (lenta.ru)